

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1999 г. О.В. НИКИТИН

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА
РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
В НАУЧНЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ В.В. ВИНОГРАДОВА**

Академик Виктор Владимирович Виноградов – заметная и исключительно активная фигура в отечественном языкознании XX века. Его труды в течение длительного периода активно обсуждались, многое из того, что он написал, ныне вошло в золотой фонд филологической науки. Достаточно ознакомиться с основными его работами, чтобы убедиться в новизне, яркости идей, творческом подходе, строгости и продуманности изложения. Да и теперь, когда российская наука отметила 100-летний юбилей со дня рождения В.В. Виноградова, а ОЛЯ РАН подготовило к изданию и выпустило объемную монографию ученого (см. [Виноградов 1994]), основу которой составили собранные в алфавитном порядке заметки об истории слов с элементами литературоведческого и этимологического анализа, мы по-новому приоткрываем лабораторию творческой мысли человека, преданного науке, прошедшего нелегкий путь, пережившего наиболее страшные и мучительные для отечественной филологии годы.

Научные разыскания В.В. Виноградова обширны: от истории и теории языка до литературно-критических работ по стилистике и полезных методических рекомендаций. Многое из того, что питало его ум и сердце, рождало оригинальные подходы. Так, он по праву считается одним из основателей истории русского литературного языка как самостоятельной дисциплины, введенной в курс обучения студентов вузов. Его книга "Русский язык. (Грамматическое учение о слове)", выдержавшая до настоящего момента три издания (см., например [Виноградов 1986]), в конце 1940-х годов вызвала ожесточенную полемику, доходившую до злонамеренных обвинений. Впрочем, В.В. Виноградов знал цену русскому слову и владел этим мастерством в "самотончайшей", как сказал бы Н.С. Лесков, искусности. Выступая на открытом собрании в Институте русского языка в 1948 году, ученый закончил свой доклад ярким, точным и язвительным четверостишием, низведя все попытки зложелателей оклеветать его труд (кстати, после выхода книги появилась небезызвестная статья с характерным заголовком "Нет, это не русский язык"). Ученый произнес:

Свежим воздухом дыши,
Не имей больших претензий,
Если глуп, то не пиши,
А особенно рецензий.

Известны и другие его критические замечания, корректные и не совсем. Одно из них, высказанное по поводу влиятельного партийного деятеля тех лет Н.А. Тихонова, а также противостояние проникновению номенклатуры в науку многого стоили В.В. Виноградову.

Еще одна черта его человеческого облика была точно подмечена Ю.В. Рождественским, его учеником. Он сказал о своем учителе: «Как-то раз я прямо его спросил: "Как

Вы пишете Ваши работы?" Учитель усмехнулся и сказал: "Любопытный вопрос. Сначала я все опишу, что вокруг этого (т.е. научной проблемы) написано, а потом надо и свою заплатку вмазать, да так, чтобы было незаметно".

Это значит, — продолжает Ю.В. Рождественский, — что мастер никогда не гнался за тем, чтобы выставить себя открывателем нового (позволим себе заметить, это сделают позже за него, не всегда соблюдая нормы человеческой и научной этики, опустошая его имя словами "выдающийся", "гениальный", "непревзойденный" и проч.) и всегда говорил от лица языка и его фактов. Он хотел остаться в языке как его часть, а не как ученый наблюдатель» [Рождественский 1995: 54]. Можно привести и другие "осколки" воспоминаний об ученом, к сожалению, разрозненные; похоже, еще не пришло время собрать их в отдельный том — а было бы весьма интересно. Все они с той или иной стороны характеризуют его человеческий облик, помогая в какой-то мере разобраться в истоках его многочисленных филологических увлечений.

О фигурах такого масштаба принято писать и говорить с эволюционной точки зрения. Такой подход в его традиционном понимании, кажется, не совсем уместен по отношению к В.В. Виноградову. Во-первых, потому, что он вошел в науку не тезисами статей и безвкусными публикациями, а весомо, взяв одну из сложнейших проблем исторической фонетики русского языка — исследовать звук *ѣ* и его бытование в памятниках древнерусского письма на примере северновеликорусского наречия (см. [Виноградов 1923: 150–409]). Ему было тогда 28 лет. Во-вторых, анализ его работ с эволюционной позиции предполагает некое "нарастание лингвистической глубины" и собственной значимости, от чего был далек ученый. Наконец, полагаем, что ранние работы В.В. Виноградова живее, интереснее, ярче некоторых поздних публикаций и многочисленных брошюр. Впрочем, это наше досужее мнение, которое отнюдь не претендует на абсолютность и может быть успешно оспорено. Дело здесь, думается, в ином: **какую** задачу ставит перед собой исследователь и **какими** путями стремится ее решить — традиционными или же экспериментальными, где фразы "непререкаемый авторитет" или "признанный классик отечественной лингвистики", звучащие и поныне, можно опустить. Они не способствуют поиску самостоятельных критериев оценки, методов описания и анализа и, если угодно, обезличивают достойные имена, которые становятся эдаким неподъемным камнем, монументом, на который хочется смотреть, восхищаясь, да и только. Мы, напротив, попытаемся избежать подобных нагромождений, по мере сил и возможностей понимая и принимая сделанное В.В. Виноградовым¹.

Деловая письменность, приказный, деловой язык и стиль не раз обсуждались В.В. Виноградовым в контексте исследования развития истории русского литературного языка, обнаруживая тесную связь исторических процессов, культурологических начал и языкового движения многих народов, населявших территорию России с древнейших времен. Слагавшаяся в течение ряда столетий историко-культурная общность — славянство — получила в наследие от древних цивилизаций необходимые сведения в области государственного права, науки, искусства и других образцов человеческого разума. Позже, обособившись и разделившись на три группы: южнославянскую, западнославянскую и восточнославянскую, — оно получило новый импульс для языкового и культурного развития. Поиск этнической независимости, стремление к самостоятельности в правлении и территориальной целостности способствовали развитию языковой самобытности. Складывавшийся веками языковой организм, как можно полагать, уже в начале своего существования не был однороден и подразделялся на особые полиглотальные части, не всегда совпадавшие с пространственно-этническим делением.

¹ В нашей работе представлена только часть научного наследия В.В. Виноградова. Обширная переписка ученого с ведущими славистами из других стран, историками и текстологами исследована лишь частично (эпистолярное наследие В.В. Виноградова и письма к нему содержатся в личном фонде ученого в Архиве РАН). Отдельные выписки, конспекты трудов и заметки по лингвистике также потребуют тщательного прочтения и переосмысления.

В конце XIX – начале XX века данная проблематика весьма интересовала отечественных ученых, работавших в разных сферах языковых исследований и заложивших основу исторических и этнолингвистических знаний для изучения процессов прошлых эпох. В.В. Виноградов, упоминая об этом, как бы продолжает их мысли, и ныне не потерявшие своего глубинного смысла и актуальности: "...историки русской культуры и русского языка (А.А. Шахматов, Е.Ф. Карский, Е.Ф. Будде, А.Е. Пресняков и др.) создали теорию деления русских племен на три основные этнолингвистические группы, тяготевшие к разным культурным центрам и находившиеся в сфере распространения разных культур" [Виноградов 1940: 2].

Это имело свое влияние и на процессы общерусского языкового развития, и на частные вопросы в сфере письменной культуры и делового обихода. Ученый признает, что «...распадающийся на поместно-территориальные диалекты язык деловой письменности отражает и изображает действительность для удовлетворения практическим потребностям "как план или карту, а не как картину" (Потебня)» [Виноградов 1940: 10]. Взятое В.В. Виноградовым образное выражение своего предшественника очень точно передает характер взаимодействия письменной культуры с реальными историческими событиями, способствовавшими подчинению делового письма утилитарным целям. Действительно, регламентация форм выражения делового языка была различной: в Москве в XVI столетии он испытывал определенную каноническую зависимость, в силу чего был более скованным, представляя собой своеобразный слепок, "план" или "карту", оборотной стороной которых были государственные учреждения – Приказы². Деловая письменность и ее язык юга и запада России менее регламентированы, они допускали в свой состав большое количество элементов живой разговорной речи, однако подверглись сильному нерусскому (особенно западные земли) влиянию³. "В связи с этим, – замечает ученый, – московский письменный язык кажется консервативным. Он ближе по своему грамматическому строю к славяно-русскому языку" [Виноградов 1940: 12]. Такое взаимодействие не могло не отразиться на строе делового языка и его дальнейшем развитии и предполагало искусственное замедление эволюции письменной деловой речи и ее сближение с нормами церковнославянского языка. Понятно, что разные по природе ветви не могли объединиться, но способствовали образованию более или менее однородной деловой среды с центром в Москве, получившей название московской деловой письменности. В.В. Виноградов рассматривает этот процесс шире, чем собственно внутриязыковое соперничество, делая весьма серьезное предположение. Он пишет: «Есть основания думать, что в связи с великодержавными притязаниями Московского царства на роль Великорусской империи, на роль "третьего Рима", московский деловой язык с конца XV – начала XVI в. подвергался сознательной архаизации и регламентации по образцу литературного славяно-русского языка (ср., напр., преобладание в XVI в. форм дат. пад. местоимений *тебѣ, себѣ* при господстве народных *тобѣ, собѣ* в XV в.» [Виноградов 1940: 12]. Однако полагаем, что этому могли содействовать и другие причины. В частности, известная гипотеза А.А. Шахматова о социальных различиях в говоре Москвы (см. об этом [Виноградов 1967: 119–120]) дает основание полагать, что зависимость деловой письменности Москвы от среды ее функционирования существовала еще в начальный период образования Московского государства. (Кстати, на ценность лингвистического

² Следует заметить, что степень регламентации делового языка Москвы была неодинаковой. Так, Б.А. Ларин, выдвинувший гипотезу посадской письменности, обоснованно полагал, что "общий язык больших городов был в XVI–XVII вв. не совсем единообразен везде..." [Ларин 1948: 54]. Он, в частности, на основе социальных признаков пытался выделить характерные черты и состав "посадского койне", которое, предположительно, будучи особой формой средневекового городского арго, способствовало сближению официально-деловых клише Приказов с разговорной стихией. Подобного мнения придерживался и П.Я. Черных, исследовавший фонетику и морфологию одного из самых значительных памятников Московского государства – "Соборного Уложения 1649 года" [Черных 1953].

³ Как считал Н.С. Трубецкой, толчком к распаду единого делового языка послужили события, связанные с территориальными претензиями поместных правителей, начиная со времени раздела Руси на Московское и Литовское княжества [Трубецкой 1990: 133].

изучения города и его социальных диалектов указывал и В.В. Виноградов в статье "О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв." [Виноградов 1978в: 153].) Близость московского приказного языка к славяно-русскому, по мнению В.В. Виноградова, способствует его выделению в самостоятельную разновидность языка, к XVI веку распространенного уже на большой территории. Приказный язык "...имел все данные для того, чтобы вступить в борьбу за литературные права с языком славяно-русским" [Виноградов 1940: 12]. Подобное соперничество, выразившееся в расширении литературных функций делового языка, "все больше содействуют превращению его в своеобразный стиль литературной речи..." [Виноградов 1956: 11], – полагает ученый⁴. Заметим в связи с данным высказыванием, что акад. А.А. Шахматов отделял деловой язык от литературного, придавая письменно-деловому общению общенародный характер [Шахматов 1941: 60 и далее]. Именно благодаря деловому языку, по справедливому суждению А.А. Шахматова, стало возможным объединение двух стихий литературного языка. "Создание делового, приказного языка, наиболее доступного влиянию языка окружающей среды, в сильной степени облегчило победу идее о слиянии книжного языка с народным" [Шахматов 1941: 62]. Вслед за А.А. Шахматовым, В.В. Виноградов подчеркивает значение языка деловых памятников в общерусском процессе становления единого литературного языка, особенно в период так называемого двуязычия. «В направлении и развитии процессов взаимоотношений и взаимовлияний двух типов древнерусского литературного языка сыграла большую роль письменно-деловая речь. Будучи связана с территориальными и социально-групповыми диалектами, с разными сферами профессиональной лексики и фразеологии, деловая речь оказывала, правда в разной степени, воздействие на оба типа древнерусского литературного языка и сама подвергалась, особенно интенсивно с XVII в. "олитературированию", обогащаясь разнообразными средствами выразительности и изобразительности» [Виноградов 1978д: 202].

Не касаясь собственно вопроса о литературном двуязычии (см. достаточно подробный обзор концепций в его статье "Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка" [Виноградов 1978б: 72 и далее]), заметим, что им была предложена четкая **программа** исследования письменно-деловой речи. Он выдвинул три основных направления, по которым следует развивать и углублять лингвистические исследования в этой сфере: "1) Вопрос о способах литературной обработки письменно-деловой речи и превращения ее в особую функционально-стилевую разновидность русского литературного языка (приблизительно с XV–XVI вв.); 2) сюда же примыкающий вопрос о приемах и сферах употребления деловой речи в языке древнерусской литературы и 3) вопрос о диалектных различиях письменно-деловой речи в ее разных социальных стилях и профессиональных вариациях с XI по конец XVII в." [Виноградов 1978б: 118].

Надо полагать, что поставленные В.В. Виноградовым проблемы звучат актуально и в наши дни, особенно второй и третий тезисы, как нам кажется, менее разработанные. Из них последний вопрос о диалектных различиях в социальных стилях отчасти рассматривается и нами. В XVIII веке именно он приобретает особое значение: рамки письменно-деловой речи значительно расширяются, начинают меняться деловые ориентиры и традиции русского приказного языка⁵, усложняется и языковое насыщение деловой речи. Региональная деловая письменность более социально однородна, она испытывала меньшее влияние как на специфику своих диалектных форм и разновидностей, так и на свой социальный статус. Она была значительно менее

⁴ Ср. в этой связи точку зрения Г.О. Винокура, полагавшего, что главным признаком делового стиля является отсутствие *литературности изложения* (курсив наш. – О.Н.) (см. подробно об этом [Винокур 1959: 64 и др.]).

⁵ Попутно заметим, что Г.О. Винокур отводил особую роль стилистическим новшествам в составе делового языка XVIII века, вызванным влиянием европейской системы делопроизводства [Винокур, 1959: 68].

регламентированной⁶. Дialeктные различия местных образцов письменной деловой речи довольно ярко, в некоторых местах даже контрастно, окрашивают пеструю, прогосударственную смесь нового делового языка и старых обветшалых форм. Таким образом, местная деловая письменность становится в это время единственным продолжателем старых традиций, в течение ряда десятилетий не допускавших иные социальные критерии. La langue écrite в центре – основа государственно-канцелярского администрирования – все более стал походить на langue officielle, в противоположность местному деловому языку, по-прежнему сохранявшему и развивавшему свои формы. Этот langue vivante не был замкнут, в его строе присутствуют элементы социальных стилей, типовые характеристики мелких групп, микроэтнических и социальных общностей, каждая из которых имела свой деловой языковой обиход, свои диалектные инварианты.

Структурные компоненты своей программы изучения языка деловых памятников и в целом рукописных источников В.В. Виноградов высказывал и в других работах. Так, в статье "О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII–XIX вв." [Виноградов 1946: 223–238], выделяя основные сферы изучения русского литературного языка (таких им было названо восемь), он упоминает в каждой памятники областного характера, в том числе и деловое письмо, всякий раз подчеркивая важность их исследования и лингвистическую ценность языкового материала, представленного в них. Говоря о вопросах исторической фонетики русского языка, он замечает: "Представляют большой интерес наблюдения над областными колебаниями произношения в простом слоге XVIII в. и над пределами этих колебаний. Для исследования этих вопросов очень важно привлечь так называемые малограмотные написания в семейной и деловой переписке XVII и XVIII вв. ..." [Виноградов 1946: 233]. И то, и другое сохранилось до нашего времени в большом количестве источников и существовало как самостоятельные виды письменности. Но в них можно обнаружить и общие свойства. Атмосфера "бытовизма", просительный характер документов, относящихся к этой группе памятников, во многом способствовали их сближению. Вероятно, впоследствии, в XVIII столетии, следует вполне определенно рассматривать личную и семейную деловую переписку как уже сложившийся социальный стиль деловой письменности – интереснейший и мало изученный вопрос, могущий открыть немало ценного для изучения языка и культуры бытовых отношений, формирования письменной деловой культуры русского народа⁷.

⁶ Ср. фрагменты трех деловых актов, имеющих различную степень закреплённости оборотов приказного языка.

1. Фрагмент царского Указа: "По указу Великого Государя, и по приговору Правительствующаго Сената, велѣно на поставку къ предбудущему 722 году, Генералного правѣннта собрать, съ дворового чѣсла со всего Государства протѣвъ разположенія прошлого году по рублю съ двора..." (РГАДА. Ф. № 1195. Оп. № 4. Ед.хр. № 9. Л. № 131).

2. Из Грамоты архиепископа "Великоновгородского" и архимандрита "Александровского" Феодосия (1723 г.): "А мірскихъ людей к' себѣ въ д[у]ховенство не прѣимати, кромѣ великія нѣжды. А въ недоумѣваемыхъ во всякихъ д[у]ховныхъ вещехъ, совѣтъ да имѣть во всемъ..." (РГАДА. Ф. № 1195. Оп. № 9. Ед.хр. № 263. Л. № 1).

3. Отрывок следственного дела Крестного Онежского монастыря (начало 1700-х гг.): "...пред архимандритом Лаврентіем мирской староста Петръ Алеѣвѣвъ в' допросѣ сказал прѣѣзжаю де на устье онѣжское для всякихъ денежныхъ зборовъ и для мирскихъ дѣлъ и стою на подворье..." (РГАДА. Ф. № 1195. Оп. № 3. Ед.хр. № 447. Л. № 2).

⁷ Среди многочисленных рукописных актов частно-деловой переписки одними из самых богатых в языковом, стилистическом и бытовом отношениях, на наш взгляд, являются послания монастырских служителей. Вот фрагмент такого письма (1781 г.): "Честнѣйшій отецъ казначей Аванасій! Получилъ я ваши репорты, но много удивилъ какъ увидѣлъ, что при нихъ никакого писма отъ васъ ко мнѣ не было, а притомъ и ковертъ [так в ркп. – О.Н.] былъ уже распечатанъ. (...) Скажите отцамъ на корабле готовящемся, чтобы ѿ нихъ платѣе было хорошее, пристойное ихъ чину и мѣсту, в которое они отправляются (...). А притомъ бы, как и ѿказомъ предписано, знали катехисисъ, и могли-бы отвѣтствовать на задаваемые им вопросы" (РГАДА. Ф. № 1195. Оп. № 1. Ед.хр. № 1183. Л. № 1).

Деловая письменность занимает одно из ведущих мест в такой сравнительно молодой области лингвистических исследований, как исторический синтаксис, хотя опубликованы и крупные монографии по этому вопросу за последние 40 лет (см., например [Ломтев 1956; Стеценко 1977]). В их числе есть работы, основанные на материалах народных говоров с привлечением памятников местной письменности (см. [Борковский 1949, 1958; Шапиро 1953; Собинникова 1958 и мн.др.]). Все же подобных трудов довольно мало. Это, вероятно, имел в виду акад. Виноградов, говоря о неразработанности вопросов в данной области: "...создание исторического синтаксиса русского литературного языка или построение истории **синтаксических систем** (выделено нами. – О.Н.) русского литературного языка – дело далекого будущего" [Виноградов 1946: 236]. Тем не менее ученый не отрицал наличия многочисленных оригинальных попыток изучения вопросов исторического синтаксиса в дореволюционный период: от М.В. Ломоносова, "синтаксической коллекции" Н. Курганова, работ А.А. Барсова до трудов Н.И. Греча, И.И. Давыдова, синтаксической системы Ф.И. Буслаева, фундаментальных исследований А.А. Потебни, Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Шахматова. По этому поводу им была издана исчерпывающая монография "Из истории изучения русского синтаксиса" [Виноградов 1958б], где был дан систематический анализ наиболее крупных синтаксических учений академической школы. Сеем заметить, что изучение исторического синтаксиса на современном этапе строится в основном по образцу принятых моделей исследования синтаксиса современного русского языка, т.е. по структурно-семантическому принципу. Таков, например, труд А.Н. Стеценко (см. [Стеценко 1977]). В этом отношении замечание В.В. Виноградова о построении истории синтаксических систем весьма актуально, но, к сожалению, почти забыто. Было бы полезным, на наш взгляд, применить данный тезис к языку деловой письменности, ее синтаксическому строю. В таком ракурсе – синтаксис делового письма как особая система – активных исследований не проводилось⁸.

В программе В.В. Виноградова есть ряд замечаний и по другим областям, например, по исторической лексикологии и фразеологии. Конечно, некоторые положения ученого, отнесенные им в "будущее", перешли в разряд истории (такие, как вопросы изучения словарного материала, лексических заимствований, терминосистем – в 70–80-е годы

⁸ Ср. ряд работ словацкого исследователя Й. Сипко [Сипко 1992: 121–127; 1995: 153–162]), в которых намечаются весьма оригинальные подходы к этнолингвистическому осмыслению с о в р е м е н н о й деловой публицистики. Однако сколько-нибудь серьезных трудов по изучению именно делового синтаксиса рукописных документов XVII–XVIII веков в последние годы нами не обнаружено. Вообще же, на наш взгляд, к вопросам исторического синтаксиса не всегда может быть удачным применение современной методики анализа синтаксических единиц. Схематизация теории современного синтаксиса и загроможденность ее терминологией очевидна, что лишь препятствует познанию. В этом смысле выглядит весьма интересной (на первый взгляд, даже парадоксальной) одна деталь, почерпнутая нами из классического, выдержавшего не одно издание "Высшего курса русской грамматики" В.Я. Стоюнина (6-е изд. 1911 г.). Заключительная глава книги, посвященная вопросам синтаксиса, открывается параграфом с таким подзаголовком: "Связь языка с духовною дѣятельностью". Автор удивительно верно уловил психологическую и теоретическую необходимость присутствия такого, казалось бы, не имеющего ничего общего с понятием словосочетания и структуры предложения, своеобразного вступления. Вот одна выдержка из него: "Духовное развитие заключается в постоянном вырабатывании новых понятий, в отыскании новых разнообразных отношений между понятиями, след[овательно], в приобретении новых познаний и в стремлении применить их к жизни" [Стоюнин 1911: 119]. Или взять "Древнецерковнославянский синтаксис" В. Вондрака в переводе Н. Петровского [Вондрак 1915]. В нем цитата из древнего памятника не просто пример, аргумент для доказательства теоретических построений, а живое свидетельство ушедшей эпохи. Обращение к "Руководству к изучению синтаксиса русского языка" Д.Н. Овсяннико-Куликовского, идеям исторического изучения синтаксических явлений А.А. Шахматова, забытому "Очерку синтаксиса русского языка" М.Н. Петерсона [Овсяннико-Куликовский 1907; Шахматов 1941а; Петерсон 1923], основанных на практических разработках проблем синтаксиса и взявших наиболее ценное из трудов Аполлония Дискола, Й. Риса и Ф.Ф. Фортунатова, возможно, приблизит нас к пониманию естества предмета, обострит желание поиска новых методов исследования языка, раскроет его неразрывную связь с духовной жизнью.

эти вопросы были наиболее популярны). (О перспективах их исследования см. [Виноградов 1946: 236–237].)

Завершает виноградовский перечень основных сфер изучения русского литературного языка и ныне актуальный вопрос об истории стилей. Вместе с прочими перспективными проблемами он называет и "вопрос о структуре (подчеркнуто нами. – О.Н.) приказного, государственного делового и особенно дипломатического стилей XVII и начала XVIII вв. ..." [Виноградов 1946: 237]. Здесь находит отголоски виноградовская концепция существования во времена древнерусской народности трех типов письменного языка, каждый из которых был ориентирован на вполне определенную группу памятников, социальную среду и имел ярко выраженную стилистическую мотивировку. По его мнению, "...один из ([них]. – О.Н.) – восточнославянский в своей основе – обслуживал деловую переписку, другой, собственно литературный церковнославянский, т.е. русифицированный старославянский, – потребности культа и церковно-религиозной литературы, третий тип ... применялся в таких видах литературного творчества, где доминировали элементы художественные" [Виноградов 1978г: 185].

Представляют немалый интерес размышления В.В. Виноградова об особенностях развития делового языка в его устной и письменной формах в период смены культурных пластов. Здесь вновь, как один из важнейших, поднимается **вопрос о социальных стилях светско-деловой речи и живого русского разговорного языка** [Виноградов 1982: 49 и сл.]. Повышенный интерес к данной проблеме обусловлен и новыми обстоятельствами, возникшими к середине XVII столетия, когда распалась система церковнославянского языка, а русский язык начинает активно подвергаться европеизации. По словам самого ученого, "старина" и "новизна" – неизменные спутники языкового и литературного процесса XVII века. Он обоснованно полагает: «Степенью участия просторечия в жизни литературного языка определялась степень национализации, русификации церковнославянского языка. А с другой стороны, в зависимости от характера отношений социальной группы к книжной культуре находился тот или иной уровень "литературности" стилей живой устной речи. Ведь просторечие и народный язык не только питают литературную речь и стили письменно-делового языка, но и сами питаются их соками» [Виноградов 1982: 49].

Бытовое просторечие и обиходный язык города в XVII в. были близки формам приказной речи и активно переходили в ее структуру, осложняя жанровое ядро, придавая импульс будущей стилистической дифференциации отдельных звеньев письменно-деловой речи. Бесспорным свидетельством возросшей роли делового языка в XVII веке является тот факт, что в эпоху кризиса системы церковнославянского языка деловой язык не был подвержен этому "разложению, т.к. в нем изначально почти отсутствовали церковнославянизмы" (см. [Виноградов 1978а: 29]). Особое положение приказного языка приводит к двум существенным результатам, или, по крайней мере, получает такую тенденцию: 1) он вступает "в борьбу за литературные права с языком славяно-русским" [Указ. соч.: 29]; 2) он "...решительно выступает в качестве русской общенациональной формы общественно-бытового выражения" [Указ. соч.: 36]. Таким образом, вторая половина XVII столетия характеризуется прорывом делового языка во все большее число сфер деятельности, он также получает значительные права в языковой области: на нем начинают создаваться научные трактаты, философская и художественная литература, чего ранее не наблюдалось⁹. Более того, он способствует появлению и развитию новых родов письменности, как считал В.В. Виноградов [Указ. соч.: 37].

Касаясь более позднего периода в истории русского языка, ученый разовьет свои

⁹ Сходного мнения придерживался, в частности, Г.О. Винокур, отмечавший, что к началу XVIII в. деловая речь стала "гораздо литературнее, она впитала в себя известные элементы книжности, широко употребляет международную греко-латинскую и западно-европейскую терминологию и даже порой щеголяет ею" [Винокур 1959: 68].

соображения в этой части проблемы, когда будет говорить о расширении состава и функций делового стиля. Связано это, по его мнению, с процессом **смещения и перегруппировки стилей и усилением литературных прав живой русской устной речи**, которые были во многом подготовлены ходом исторического развития русского языка и переменами, произошедшими в XVII веке. Характеризуя деловой язык XVIII столетия, особенно времени петровских преобразований, он не раз подчеркивал, что роль деловой сферы возрастает, расширяются и сами функции делового языка, "...происходит резкое усиление значения разновидностей государственной, приказной речи..." [Виноградов 1956: 17; 1978а: 42 и некот. др.]. Мы бы дополнили также: происходит постепенное отдаление делового языка от старых приказных традиций, меняется сам деловой аппарат. Напротив, внеязыковое влияние на деловой язык в этот период ощущается в большей мере, чем это было ранее¹⁰. В целом происходит изменение, даже искажение, прежних норм и установок, в результате чего мы можем говорить о том, что в центре деловой язык, походящий более на "государственное наречие", представляет собой "довольно пеструю картину" [Виноградов 1978а: 43]. Среди "деловых" новшеств, получивших значительный толчок в своем развитии, ученый упоминает **политехнизацию языка**, а с другой стороны – **европеизацию быта** [Указ. соч.]. "Символом секуляризации гражданского языка... была форма абыки (1708)", – заключает В.В. Виноградов [Указ. соч.: 44].

По мнению ученого, XVIII век в истории русского языка сводится к трем наиболее значительным процессам, так или иначе повлиявшим на развитие традиционной письменной культуры и языка: "ко все более тесному сближению стилей литературного языка с системой национального разговорного общенародного языка; к постепенному устранению перегородок, жанровой разобщенности между тремя стилями языка и к созданию единой национально-языковой нормы литературного выражения при многообразии способов ее функционально-речевого использования; и, наконец, к литературной обработке народного просторечия и к формированию устойчивых норм разговорно-литературной речи, к сближению норм живой устно-народной речи с нормами литературного языка" [Виноградов 1978г: 198]. Странно, однако, что в этой схеме впрямую не нашлось места языку деловой письменности, который как бы перестал существовать независимо, полностью превратился в придаток "гражданского посредственного наречия" и слился с канцелярским языком. На наш взгляд, такая позиция не может считаться до конца продуманной, ведь упускается из виду огромный пласт местной деловой письменности, имевшей, по крайней мере, до 60–70-х годов XVIII века большие права и собственную спираль развития, хотя все более упорядочивавшуюся. Кажется, В.В. Виноградов это вполне осознавал, но подчинил данное им заключение своему взгляду на место делового текста в структуре русского литературного языка.

Одним из наиболее сложных и дискуссионных вопросов в этой связи был и остается следующий: как определить границы литературного языка, можно ли соотносить язык

¹⁰ Заслуживает внимания научная гипотеза Н.С. Трубецкого, которую можно назвать "вторым западнославянским влиянием". Оно было связано с перегруппировкой функциональных признаков в среде церковнославянского языка, игравшего, вплоть до начала XVIII столетия, немалую роль в становлении делового строя русского языка (хотя, как известно, церковнославянская лексика была нехарактерна для деловых актов), – заменой его московской редакции на общерусскую. Процесс этот был особо распространен, как указывает Н.С. Трубецкой, «в разговорном языке "западнически" настроенных людей» [Трубецкой 1990: 133]. Во время Петра Великого они вместе с "западноруссами" активно воздействовали на формирование языка и культуры новой России. "В связи с этим, – продолжает Н.С. Трубецкой, – в словарь разговорного языка vyšших классов (а через него и в словарь светски-литературного и канцелярского языка) влилась мощная струя элементов западнорусского светски-делового языка, который, однако, сам вскоре прекратил свое существование" [Указ. соч.: 133]. Заметим попутно, что процесс заимствования элементов западнорусского "светски-делового" (термин Н.С. Трубецкого) языка был оттеснен в начале XVIII века наплывом слов из германских и романских языков, которые входили в употребление в среде высших классов. Это в значительной мере повлияло на характер разговорно-делового языка того времени.

делового письма с русским литературным языком XVIII века? Известно, что деловые тексты были включены в состав литературного языка С.П. Обнорским [Обнорский 1946]. Б.А. Ларин также считал их неотъемлемой частью литературного языка [Ларин 1975]; сходного мнения придерживался и Н.А. Мещерский, так и озаглавивший одну из своих работ: "Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка" [Мещерский 1958]. Точка зрения В.В. Виноградова расходилась с взглядами его современников. Он высказывался против такого расширения понятия литературный язык¹¹. В этом суждении В.В. Виноградова проявились признаки полемики, развернувшейся особо активно в 40–60-е годы о месте и роли языка деловой письменности (и шире – литературы) в истории русского литературного языка. Его позиция диктуется выдвинутой им же концепцией, согласно которой существовали две взаимосвязанные разновидности древнерусского литературного языка: книжно-славянская и народно-разговорная. Язык деловой письменности как бы выпадал из представленной схемы, не укладывался в рамки единства древнерусского литературного языка. Но абсолютизировать это не стоит; к тому же, как и всякая концепция, эта дает основное, упуская не менее важное, частное. Мы не можем согласиться с высказыванием Ф.П. Филина об **игнорировании** В.В. Виноградовым (к числу его идейных соратников он также отнес А.А. Шахматова и Б. Унбегауна) языка деловой письменности в угоду сохранения собственной концепции [Филин 1974:32]. Как видно из нашего изложения, у В.В. Виноградова был широкий подход к изучению языковых явлений вообще и языка деловой письменности, в частности. В ряде случаев, отходя от принятой им позиции, он высказывал оригинальные идеи по этому поводу и, как мы проследили, выдвинул целую программу изучения языка деловой письменности. Даже в ставшем классическим курсе истории русского литературного языка, где наиболее последовательно проявилась виноградовская позиция, деловая письменность находит свое место, правда, не в той мере, как, допустим, в аналогичном (по названию) курсе А.И. Соболевского [Соболевский 1980]. Позволим также заметить, что первый большой труд ученого по фонетике северновеликорусского наречия, до сих пор не утративший своего значения, был основан на выписках из разнообразной деловой литературы. Материалом для него стали и памятники местной деловой письменности. Называя концепцию В.В. Виноградова надуманной, Ф.П. Филин заявляет: "Дело обстояло гораздо сложнее" [Филин 1974:37]. Как же выглядит его схема развития русского литературного языка? Для большей достоверности приведем полную цитату: «Вплоть до XVIII в., – пишет он, – на Руси имел широкое распространение в разных своих модификациях церковнославянский (в этнической своей основе древнеболгарский) литературный язык со значительными восточнославянскими народными вкраплениями. В XVIII в. этот язык вырождается в узко церковный религиозный жаргон (который в церковной обрядности с некоторыми изменениями сохранился и в XX в.). Наряду с церковнославянским языком уже с XI в. функционирует и развивается древнерусский литературный язык деловой письменности, в основе своей народный восточнославянский, но не без церковнославянского влияния (особенно в торжественно-приподнятых частях деловых документов, в некоторых формулах и т.п.). На границах этих языков и на их основе, а также под значительным воздействием фольклора и народной обиходно-разговорной речи возникает третий тип древнерусского литературного языка, представленный в таких многочисленных литературных произведениях, как большинство статей "Повести временных лет" и иных летописей, "Слово о полку Игореве", "Моление" Даниила Заточника, многие жития (так в тексте. – О.Н.) оригинального происхождения, воинские повести и т.д. и т.п. Создавался на основе живой восточнославянской речи и церковнославянской языковой стихии новый литературно-языковой сплав, который и явился непосредственным предшественником современного литературного языка» [Филин 1974:37].

¹¹ См. подробнее об этом в его книге "Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка" [Виноградов 1958а:26].

Эта обширная цитата приведена не случайно. Не касаясь, собственно, некоторых выражений автора, действительно надуманных, вроде "церковный религиозный жаргон", заметим, что данная точка зрения была впервые сформулирована Г.О. Винокуром, правда, в иной форме [Винокур 1959:44]. Здесь его взгляд несколько упрощен. Тем не менее почти признавая первенство за Г.О. Винокуром, Ф.П. Филин вводит термин "древнерусский литературный язык деловой письменности" без каких-либо пояснений. Эта малоизвестная, но весьма показательная статья Ф.П. Филина "О языке деловой письменности в Древней Руси", в отличие от анализируемых им ученых, не содержит существенных самостоятельных научных разработок, основанных на фактах делового письма. В ней представлены некоторые элементы полемики по вопросу о языке деловой письменности, но отсутствует документальное подтверждение, за исключением всем известных и много исследовавшихся памятников, таких, как тексты "Русской Правды" и "Соборного Уложения". Иная часть деловой литературы как бы не принимается во внимание. Завершая статью, автор пишет: "В нашей гипотезе дана лишь набросок главных тенденций развития языка древнерусской литературы. Но по нашему глубокому убеждению, без этой гипотезы обойтись нельзя, если мы не станем на тенденциозный путь исключения древнерусской деловой письменности из сферы литературного языка" [Филин 1974:37].

Подводя предварительный итог этой полемике, выскажем и собственное предположение. Полагаем, что место деловой письменности в языковом и историко-культурном процессе до сих пор еще окончательно не определено. Существовавшая тенденция "притягивания" ее к тому или иному взгляду, концепции или приближения ее к литературному стилю, языковой модели, на наш взгляд, требует пересмотра. Деловое письмо – самостоятельная единица. Язык и стиль его текстов, особенно местного происхождения, нуждается в тщательной разработке и новом, не обремененном именем и теорией, осмыслении. Все существующие ныне схемы развития русского литературного языка в основе своей отражают глобальные языковые изменения, факты делового письма в них часто используются для иллюстрации этапов историко-лингвистического развития. Собственной генеалогической спирали эволюции делового письма в России пока нет, а многочисленные факты, привлекаемые для поддержки или опровержения различных концепций, разрозненны и выглядят весьма гипотетично. Назрела необходимость создания собственной истории делового письма и эволюции ее языка с древнейших времен до начала XIX века. Только рассматривая деловую письменность как независимый компонент языкового развития и не отрывая ее от многочисленных сложных историко-культурных и языковых переплетений, можно грамотно проследить этапы развития языка деловой письменности и установить ее подлинное назначение и роль на каждом из них. В таком исследовании будет целесообразным сделать акцент не только на крупные памятники, но также следует максимально корректно отнестись к местным формам выражения письменной культуры, к "деловым" школам, несомненно, существовавшим на Руси. Проследить генеалогию – значит, попытаться отыскать корни явления, в том числе и определить влияние Византии и древних цивилизаций на структуру "делового" развития Руси¹².

¹²Особенно полезным, по нашему мнению, будет обращение к текстам древнейших источников эпохи начала христианизации Руси. Так, небезызвестный трактат Константина Багрянородного "Об управлении империей", содержащий ценные сведения о дипломатической сфере и государственном устройстве, был, кажется, в значительной мере обойден советскими лингвистами и активно использовался лишь в исторических трудах. Между тем, в этом сочинении (тем более, что мы имеем ныне новый, выверенный перевод с параллельным греческим текстом и исчерпывающие комментарии ведущих медиевистов) (см. изд. [Конст. Багрянородный 1991]) можно выделить некоторые правила делового обихода и древневизантийского законодательства, заимствованные позже Киевской Русью. Следует заметить также, что памятник эпохи расцвета Московского государства – "Соборное Уложение 1649 года" – имел в своем составе немало статей, взятых из древних трактатов. Так, П.Я. Черных, наряду с русскими правовыми актами и грамотами, вошедшими в структуру "Соборного Уложения" называет светское византийское право – "градские законы греческих царей". По его мнению, они могли служить одним из основных источников кодекса

Только тогда данная проблема получит законченный характер и можно будет поставить точку с запятой в этом противоречивом вопросе.

В последней части нашей работы обратимся к недавно изданной монографии В.В. Виноградова, о которой упомянули во вступлении. Публикуемые работы стали широко известны только сейчас и по-новому раскрывают творческое дарование ученого; они как бы призваны разрушить застывшее представление о В.В. Виноградове как авторе "надуманной" теории, исключить налет тенденциозности, время от времени сопровождающий его имя. Статьи по истории русского литературного языка, помещенные в этом издании, существенно дополняют известные по более крупным трудам концептуальные положения ученого в области изучения делового языка. Рассмотрим их вкратце¹³, но прежде сделаем еще одно замечание. Труд В.В. Виноградова можно сравнить с "Русским словарем языкового расширения" А.И. Солженицына: в нем слово приобретает тот едва уловимый оттенок природного естества, что роднит нас с былыми традициями живого великорусского языка. «Перед нами, — пишет В.В. Колесов в своей работе "Ментальная характеристика слова в лексикологических трудах В.В. Виноградова", — эмпирическая база для создания *историко-идеологического* словаря русского литературного языка Нового времени, демонстрирующая "взаимодействие личности и коллектива в сфере духовного творчества"» [Колесов 1995: 131]. В нем, казалось бы, давно знакомое слово, сопровождаемое ненавязчивым авторским комментарием, выступает в ином облике, где дух слова и строгий научный анализ сливаются воедино, во внутренней гармонии языка и образа, несущего тонкую мелодику. Когда-то Б.А. Ларин мечтал о создании словаря обиходного языка Древней Руси; А.И. Солженицын составил свой Словарь [Солженицын 1990]. Виноградовский тезаурус следует отнести к одним из наиболее полных, научно обоснованных и творчески переработанных образцов научной мысли. Невозможно сразу оценить сделанное им: огромное количество выписок из художественной литературы, редких, забытых слов, элементы этимологического анализа, во многих статьях прослеживается историческая и языковедческая судьба слова, — все традиционные приемы анализа лексических единиц были применены им и органически сочетаются со способностью интуитивно чувствовать строй языка. Пожалуй, мы не станем давать какой-либо научный комментарий к очеркам В.В. Виноградова. Их нужно читать, в них следует вчитываться, медленно осмысляя и наслаждаясь.

Обратимся к некоторым положениям указанных нами работ. Представляется целесообразным полностью передать текст тезисов предполагавшейся книги. В.В. Виноградов делает попытку воссоздать семантическую историю слов. Она, вне сомнения, тесно связана с историей русского литературного языка и явлениями материальной и духовной культуры, обусловившими некоторые изменения как в сфере семантики, так и в пограничных областях. Этот вопрос также имеет отношение к эволюции делового письма, этапы которого и признаки могут соотноситься с историей семантических изменений в лексике.

царя Алексея Михайловича (см. [Черных 1953:24]). Можно привести и другие свидетельства, подтверждающие целесообразность сравнительно-исторического и лингвистического изучения генеалогии делового письма в России и необходимость привлечения источников раннего периода (IX–XII вв.).

¹³В книгу вошли работы В.В. Виноградова, частью опубликованные, но в разрозненных труднодоступных изданиях, частью сохранившиеся в его личном архиве. Редакторы расположили их в следующем порядке: в начале книги помещены тезисы В.В. Виноградова к задуманной им монографии "Из истории лексики русского литературного языка XVII–XIX вв." [Виноградов 1994:4]. Далее следует не издававшаяся ранее работа "Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования" [Виноградов 1994:5–38]. Основную часть издания составили очерки по истории слов, объединенные редакторами в объемный словарь, содержащий толкование более 7000 слов и выражений — ценнейший источник в области исторической лексикологии, написанный живым, ярким, доступным языком. Этот раздел книги состоит из трех частей: Часть I. Статьи [Виноградов 1994:39–746], Часть II. Заметки. Этюды. Выписки [Указ. соч.: 747–823], Часть III. Фрагменты, извлеченные из опубликованных трудов В.В. Виноградова [Указ. соч.: 824–1057].

"1. Исследование истории значений отдельных слов еще не образует исторической семантики, хотя и доставляет для этой научной дисциплины ценный материал.

2. Для того, чтобы история значений слов литературного языка стала существенной частью исторической семантики его, необходимо тесно связывать исследование семантической истории слов с историей литературного словообразования и шире – с историей морфологических изменений литературного языка (иллюстрация – семантическая история слов: *мракобесие, царедворец, кругозор* и др.).

3. Исследование истории значений слов русского литературного языка помогает глубже осознать лексико-семантические связи и взаимодействия литературного языка с русскими народно-областными говорами и другими славянскими языками. Разнообразие этих связей и взаимодействий ярко отражается в истории таких слов, как *отщепенец, никчемный, завязтый, охрана* и т.п.

4. Исследование семантической истории литературных слов создает базу для историко-идеологического словаря русского литературного языка. Изучение истории значений слова должно быть связано с историей тех семантических рядов, в которые вступает или с которыми сближается это слово в процессе своих смысловых изменений (ср. историю слов: *передовой – отсталый* с 40-х годов XIX в., *новшество* в XVII и XIX вв., *пошлый* с XVIII в. и т.д.).

5. В истории значений отдельных литературных слов отражается история стилей русского литературного языка. Поэтому исследование семантических изменений литературной лексики должно носить историко-стилистический характер (ср. семантическую историю слов – *светоч, треволнение, мыслитель* и др.).

6. Изучение семантической истории "заимствованных" слов, связанное с сравнительно-историческим исследованием судьбы их в других языках, в том числе и в родном для них языке, содействует открытию семантических своеобразий русского литературно-языкового процесса (ср. историю значений слов: *фант, паллиатив, игнорировать* и др.).

7. В семантической истории отдельных слов отражаются сложные процессы взаимодействия личности и коллектива в сфере духовного творчества (ср. историю слов и выражений: *отсебятина, кисейная барышня* и др.)" [Виноградов 1994:4].

Авторский замысел весьма обширен. Этот набросок относится к концу 40-х годов, когда В.В. Виноградов уже был известным ученым, автором первого систематического курса истории русского литературного языка. Данные тезисы нисколько не повторяют его идеи и, как ни странно, не дублируют его концепцию единого литературного языка. В них ярко выразилась совершенно иная грань его таланта: стремление к непрерывному поиску путей исследования русского языка, рассмотрение языковых единиц в незамкнутом контексте, как это часто происходит ("язык ради языка"), а как составных частей общего процесса языкового и культурного развития народа.

В тезисах В.В. Виноградова мы обнаруживаем удачное применение оригинальной методики исследования слова не только как собственно лингвистического (грамматического) явления, а шире – как объекта исторической семантики. Заслуживает внимания и тот факт, что часть примеров была взята ученым из сферы делового языка. Так, в ряде словарных статей он делает небольшие заметки бытования слов деловой лексики в различных функциональных аспектах, исследует семантику слова *указ* (например [В.В. Виноградов 1994:1035]). В других статьях содержатся весьма интересные наброски в области развития семантического поля слова в связи с расширением его фразеологических связей. Как полагает ученый, слово *кодекс* до 20–40-х годов XIX века имело основное номинативное значение "свод законов". Однако позже из юридической терминологии оно переходит "в сферу вопросов мировоззрения, жизненной морали и общественного поведения" [Указ. соч.: 914]. Немалый интерес вызывают краткие историко-семантические зарисовки, раскрывающие характер и причины изменения значения слова в зависимости от эволюции самого представления (например, термин *исправа* в Древней Руси означал «суд, решение суда, осуществле-

ние "правды"»; с начала XVIII столетия возник термин *исправник*, и слово приобрело иное значение – "председатель земского суда (земской исправы)"; а с конца XVIII века *исправник* – "начальник полиции в уезде" [Указ. соч.: 767]. Есть и другие примеры, показывающие этапы эволюции значений слов деловой терминологии, которые подтверждают тезис самого ученого о том, что "историческое изучение словаря невозможно без знания истории материальной и духовной культуры, но оно не должно состоять в механическом сцеплении фактов быта и мировоззрения с формами языка" [Виноградов 1994:6]. Кстати, в работе "Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования" ученый делает успешную попытку применения такого подхода к анализу языковых явлений на примере реконструкции семантической истории слова *кормление*, являющегося термином древнерусского права (см. [Виноградов 1994:32–35]).

Другая проблема, которая возникает в процессе историко-лексикологического анализа, сформулирована В.В. Виноградовым так: "... вопрос о единстве смысловой структуры развивающегося и меняющегося слова или иначе: вопрос о пределах тождества слова при многообразии его фонетико-морфологических и предметно-смысловых превращений" [Указ. соч.: 16]. Этой проблемой открывается вторая часть работы. Далее автор говорит об "исторической преемственности значений" слов, об их внутренней связи, которая, по его мнению, в течение длительного времени "остаётся непоколебимой", своего рода константой, сохраняющей семантическое единство слова в разных контекстах (см. [Указ. соч.:25]). Здесь, однако, обнаруживаются и некоторые трудности, связанные с временным исчезновением слова как из речевого обихода, так и из словаря. Ученый отмечает в связи с этим один показательный признак, свидетельствующий об активных функциях среды и ее немаловажной роли: "Непрерывность исторического бытия слова во многих случаях трудно доказуема. Перерыв в употреблении слова еще не исключает его пассивного восприятия и понимания в памятниках письменности. Вместе с тем, выпадая из живого литературного лексикона, слово может сохранять свою активность в языке некоторых социальных групп, откуда снова проникает иногда в общелитературный словарь" [Указ. соч.:26].

Это было убедительно продемонстрировано, в частности, на примере слова *тризна* (ср. греч. эквивалент *στίβιον*). В древнерусском языке оно означало "погребальные игры, погребальное состязание" [Указ. соч.: 27]. В XV веке по данным "Новгородского глоссария" 1431 года ему дается следующее толкование: 'страдальчество, подвиг'. «Таким образом, – заключает академик В.В. Виноградов, – уже в XIV–XV вв. оно относилось к разряду "неудобь познаваемых речей"» [Указ. соч.]. Затем, во второй половине XVIII столетия, развивается литературное употребление слова *тризна* как 'погребальный мир, поминки' [Указ. соч.: 28]. "В диалектном употреблении, – продолжает он, – слово *тризна* получило еще новый оттенок значения, связанный с поминальным угощением" [Указ. соч.]. Подводя итог своим рассуждениям, автор делает следующий вывод: "...в историко-лексикологическом аспекте под непрерывностью исторического существования слова понимается как активное употребление соответствующего слова в разных исторически сменявшихся системах языка, так и пребывание его, иногда на протяжении целых столетий, в архивном фонде данного языка" [Указ. соч.: 28–29].

В заключительной части статьи на широком историко-культурном фоне продолжается рассмотрение системы словоупотребления и "семантический объем" слова с точки зрения исторической изменчивости языковых единиц [Указ. соч.: 29]. Автор указывает и на то, "что история слова, опирающаяся только на документы и на показания памятников может отражать, и то до некоторой степени, последовательность литературных употреблений слова, а вовсе не смену и не развитие его значений" [Указ. соч.: 36]. Таким образом, признается необходимость комплексного подхода к исследованию "семантических превращений", где письменные источники играют очень важную, но не единственную роль, где языковые сведения, теоретические посылки и исторические закономерности находят свое выражение в жизни слова, его многоликой, извилистой истории.

Итак, мы представили взгляды В.В. Виноградова на широкий круг вопросов, в той или иной мере касающихся изучения памятников письменной культуры. Недостаточное внимание к собственно деловым документам местного происхождения, на наш взгляд, компенсируется программными заявлениями ученого, его многочисленными методическими и аналитическими рекомендациями, где немалое место в целом отводится языку делового письма. Несомненно, у В.В. Виноградова были собственное видение развития данной проблемы и грамотная научная позиция. Широта его познаний, глубина раздумок и содержательность идей успешно используются в современном языкознании. Мы же, в свою очередь, обратились преимущественно к выяснению роли языка деловой письменности в общекультурном процессе формирования русского литературного языка и обозначили те конкретные разработки В.В. Виноградова, которые могут способствовать более углубленному анализу явлений делового письма. Подводя предварительный итог нашим разысканиям, следует подчеркнуть, что ответ на вопрос: какова роль делового языка в лингвистической истории России? – все же остается открытым. Один из путей решения этой проблемы, как показывает опыт, – переосмысление существующих взглядов и тенденций исследования деловой письменности. При этом опора на неизвестные ранее и неопубликованные источники, отражающие языковые и стилевые признаки разных жанров деловой литературы, а также обращение к древневизантийским и средневековым трактатам, рассматриваются нами как первоочередная задача исторического языкознания. Издание и комплексное изучение таких материалов значительно расширит диапазон наших представлений об эволюции **системы** делового языка и ее функционировании в определенный исторический период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борковский В.И. 1949 – Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949.
- Борковский В.И. 1958 – Использование диалектных данных в трудах по историческому синтаксису восточнославянских языков. М., 1958.
- Виноградов В.В. 1923 – Исследования в области фонетики северно-русского наречия. Вып. 1. Очерки из истории звука ѣ в севернорусском наречии. Пг., 1923 // ИОРЯС. Т. XXIV. Кн. 1, 2.
- Виноградов В.В. 1940 – Основные этапы истории русского языка // РЯШ. 1940. № 3.
- Виноградов В.В. 1946 – О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII–XIX вв. // ИОЛЯ. 1946. Т. V. Вып. 3.
- Виноградов В.В. 1956 – Вопросы образования русского национального языка // ВЯ. 1956. № 1.
- Виноградов В.В. 1958а – Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958.
- Виноградов В.В. 1958б – Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). М., 1958.
- Виноградов В.В. 1967 – Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967.
- Виноградов В.В. 1978а – Основные этапы истории русского языка // Виноградов В.В. История русского литературного языка. Избр. труды. Т. 5 / Отв. ред. и сост. Н.И. Толстой. М., 1978.
- Виноградов В.В. 1978б – Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // Виноградов В.В. Избр. труды. Т. 5. 1978.
- Виноградов В.В. 1978в – О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв. // Виноградов В.В. Избр. труды. Т. 5. 1978.
- Виноградов В.В. 1978г – Вопросы образования русского национального языка // Виноградов В.В. Избр. труды. Т. 5. 1978.
- Виноградов В.В. 1978д – Роль художественной литературы в процессе формирования и нормирования русского национального литературного языка до конца 30-х гг. XIX в. // Виноградов В.В. Избр. труды. Т. 5. 1978.
- Виноградов В.В. 1982 – Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982.
- Виноградов В.В. 1986 – Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986.
- Виноградов В.В. 1994 – История слов / Отв. ред. чл.-корр. РАН Н.Ю. Шведова. М., 1994.
- Винокур Г.О. 1959 – Русский язык. Исторический очерк // Винокур Г.О. Избранные труды по русскому языку. М., 1959.

- Вондрак В.В. 1915 – Древнецерковнославянский синтаксис / Пер. Н. Петровского. Казань, 1915.
- Колесов В.В. 1995 – Ментальная характеристика слова в лексикологических трудах В.В. Виноградова // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1995. № 3.
- Конст. Багрянородный 1991 – Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
- Ларин Б.А. 1948 – Парижский словарь москвитов 1586 г. Рига, 1948.
- Ларин Б.А. 1975 – Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). М., 1975.
- Ломтев Т.П. 1956 – Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.
- Мещерский Н.А. 1958 – Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка // Вестник ЛГУ: Серия истории, языка и литературы. Вып. 1. 1958.
- Обнорский С.П. 1946 – Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М; Л., 1946.
- Овсянко-Куликовский Д.Н. 1907 – Руководство к изучению синтаксиса русского языка. М., 1907.
- Петерсон М.Н. Очерк синтаксиса русского языка. М; Пг., 1923.
- Рожественский Ю.В. 1995 – Виктор Владимирович Виноградов (Воспоминания школяра) // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 1995. № 1.
- Синко Й. 1992 – Функционирование библеизмов и религиозных выражений в современной русскоязычной публицистике // Rossica slovaca I [Acta Universitatis Philosophicae Universitatis Šafarikanae, Jazykovedný zborník 12]. Bratislava, 1992.
- Синко Й. 1995 – Иностранные этнокультурные элементы в русской публицистике // Slavica Quinqueecclesiensia I [Уч. зап. кафедры славянской филологии филол. фак-та Печского ун-та им. Януса Панныиуса]. Pécs, 1995.
- Собинникова В.И. 1958 – Строение сложного предложения в народных говорах (по материалам говоров Гремяченского района Воронежской области). Воронеж, 1958.
- Соболевский А.И. 1980 – История русского литературного языка. Л., 1980.
- Солженицын А.И. 1990 – Русский словарь языкового расширения / Сост. А.И. Солженицын. М., 1990.
- Стеценко А.Н. 1977 – Исторический синтаксис русского языка. М., 1977.
- Стоюнин В.Я. 1911 – Высший курс русской грамматики, составленный В. Стоюниным. СПб., 1911.
- Трубецкой Н.С. 1990 – Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ. 1990. № 2.
- Филин Ф.П. 1974 – О языке деловой письменности в Древней Руси // Вопросы филологии: К семидесятилетию со дня рождения и пятидесятилетию научно-педагогической деятельности ... профессора А.Н. Стеценко. М., 1974.
- Черных П.Я. 1953 – Язык Уложения 1649 года: вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М., 1953.
- Шапиро А.Б. 1953 – Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М., 1953.
- Шахматов А.А. 1941 – Синтаксис русского языка / Редакция и комментарии проф. Е.С. Истриной. Л., 1941.